

ОСКАР
УАЙЛЪД

БАЛЛАДА
РЕДИНГСКОЙ
ТЮРЬМЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-1
ББК 84(4Вел)-5
У13

Перевод с английского

Уайльд, Оскар.

У13 Баллада Редингской тюрьмы : [сборник : перевод с английского] / Оскар Уайльд. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 256 с.

ISBN 978-5-17-155160-5 (С.: Эксклюзивная классика)

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Дизайн обложки *В.Воронина*

ISBN 978-5-17-155161-2 (С.: Эксклюзив: поэзия)

Серийное оформление и дизайн обложки *Я. Половцевой*

Оскар Уайльд вошел в историю мировой литературы и театра как незаурядный прозаик, драматург, поэт и эссеист. Но началось и закончилось его творчество со стихотворений: в 1878 году он завоевал престижную премию Оксфордского университета за поэму «Ровенна», а последним произведением стала «Баллада Редингской тюрьмы», написанная вскоре после освобождения из заключения в 1897 году. Уайльд с легкостью играет словами и образами, создавая поэтические картины. В его стихотворениях — восхваление удовольствий и призывы к состраданию, наблюдения за природой и городской жизнью, сложные эмоции уязвимого человека и острая сатира.

УДК 821.111-1

ББК 84(4Вел)-5

© Перевод. Б. Булаев, 2023

© Перевод. М. Ваксмахер, наследники, 2023

© Перевод, комментарии. Е. Витковский, наследники, 2023

© Перевод. Л. Гумилев, наследники, 2023

© Перевод. О. Кольцова, 2023

© Перевод. В. Микушевич, 2023

© Перевод. А. Серебренников, 2023

© Перевод. В. Топоров, наследники, 2023

© Перевод. А. Триандафилиди, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Равенна

I

Пусть краски итальянские густы —
У северной весны свои черты.
Вздыхает обновленная земля,
Март позолотой окропил поля.
Звонкоголосый дрозд среди дерев
Выводит свой приветственный напев.
Галдят грачи; по-юному легка,
Стремит полет голубка в облака.
Фиалка расправляет лепестки,
Любовной полон первоцвет тоски.
И, словно обрученные с луной,
Мерцают крокусы порой дневной.
Под рокот мельничного колеса
Взмывает жаворонок в небеса —
Освобождаясь, будто из тенет,
Росу с жемчужных паутин стряхнет.
И нарушает тишь зеленой чащи
Веселых коноплянок хор звенящий.
Но год назад... Светлы воспоминанья:
Италия, весенняя Кампанья, —
Там солнцем напоенные цветы,
Там яблоки свеченьем налиты...

© Перевод О. Кольцовой.

Весна пьянила. Средь курчавых лоз
Я ехал, — череду метаморфоз
В себе таили смуглые оливы
И пинии, строги и горделивы.
Был волен бег, и были сокровенны
Мечты, — я имя древнее Равенны
Твердил движенью в такт, пока закат

Кармином не дохнул на небоскат.
Я, как мальчишка, вздрогнул от намека:
Там, за болотом с редкою осокой,
Фигурных башен вычерчен узор.
Вслед солнцу я рванул во весь опор.
И прежде, чем был день усекновен,
Я оказался у священных стен.

II

Как воздух глух! Не слышно даже эха
Пастушьей дудки, пения и смеха,
Ни гомона шалящей детворы.
Мертво молчанье и мертвы дворы.
Пустынный мир, печальный,
бестревожный,
Твои увещеванья непреложны,
Как чередя неспешных зим и лет,
Для смертного, бегущего сует.
Жить, погружаясь в траур мирозданья,
Разведывать минувшие преданья,
Раз причастившись от летейских струй, —
Забвенье среди лотосов даруй.

О Прозерпина, маковым дурманом
Опоена, царишь на поле бранном,
Оплакивая прах твоих сынов,
Ушедших в мир, где не бывает снов.
Но слава мертвых обернулась славой
Твоею. О бездетная держава,
Страна могил! Коленопреклонен
Здесь всякий перед памятью времен.

III

Столп, возвышающийся над равниной,
Он — мета одинокой и чужбинной
Судьбы твоей, блистательный француз.
Любви и славы краток был союз.
В тебе играли мужество и сила,
Но в горький час звезда твоя светила.
Увы, Гастон де Фуа, ты проиграл.
И под лазурнейшим из покрывал
Покоишься. Камыш, склонивши копьё,
Подрагивает. Пурпурные хлопья
Леандр в твою разбрасывает честь.

Чуть северней, времен далеких весть,
Стоит ветрам открытая гробница.
Здесь некогда остготская столица
Была. Ее король обрел покой
В воздвигнутом дочернею рукой
Массивном склепе. Но твердыня эта
Патиной тления равно задета.
Ты, Смерть, всем участь равную суля,
Смешаешь прах шута и короля.

Величественна слава *их*, однако
В душе моей — ни отклика, ни знака
Ни рыцарь не оставит, ни король.
Ничтожною покажется юдоль
Земная подле Дантовой могилы,
А венценосцы — жалки и постылы.
Из мрамора высокое чело,
Глаза, на мир взиравшие светло,
И страстно, и с мучительным презреньем.
Уста, испепленные откровеньем —
О преисподней и об Эмпирее,
Миндалевидный лик, всего острее
Запечатленный Джотто, скорбный лик, —
Так Данте предо мной в тот день возник,
В стране покоя, вдалеке от Арно,
Где кампанила Джотто лучезарно
Возносит крин в сапфировый простор.
О Данте, боль твоя и твой позор
Изгнанника — вот тяжкие оковы,
Что преподнес безумный, бестолковый
Мир, на тебя возведший клевету.
А ныне на пустынную плиту
Царица беспощадная Тосканы,
Персты влагавшая в живые раны
Израненного терниями лба, —
Несет венец лавровый. И мольба
Вернуть ей прах поруганного сына
Вотще звучит. Тяжелая година
Минула. Имя Данте полнит слух.
Прощай! Покойся с миром, вольный дух.

IV

Уныние в заброшенном палаццо.
Здесь эхо не захочет отозваться
На менестреля песнь. Лишь сквозняки
Гуляют, да из пола сорняки
Повылезли. Лишь ящери да гады
Шуршат в траве у каменной ограды,
Меж львиных лап. Ужель здесь Байрон жил
Два долгих года, — тот, кто окружил
Себя весельем, — наш второй Антоний, —
Устроив Акции в оном бастионе?!
Однако духом оставался тверд.
Уловкам женским он, поэт и лорд,
Не позволял смутить себя нисколько,
И лира звонкая не умолкала.
Но, чтобы сокрушить турецкий гнет,
Восстали греки, и не на живот,
А насмерть в их рядах он, как спартанец,
Сражался дерзко. И протуберанец
Посмертной славы яр и златокрыл.
О, Саламин! О, небо Фермопил!
О, грохот волн Эвбейского залива!
Вспомните — поэт любил нелживо.
И в час победы и свободы час
Того, кто ради Греции не раз
Затачивал перо и сталь клинка, —
Храните в сердце, ибо высока
Судьба его. Дыхание Борея,
Над северными берегами рея,

Британию о нем заставит петь.
И Слендер не посмеет прошептать
Суждения, приправленного ядом,
О том, чья песнь звенит высоким ладом.

Венок, сплетенный из ветвей оливы,
Что держит победитель горделивый;
От гибели хранящий алый крест;
Или маяк, на сотни миль окрест
Среди штормов заметный морякам, —
Так он свободу завещал векам.

Гирлянду свежих митиленских роз
Прими от Сафо, с острова Лесбос.
И мирт, кастальской влагою облитый,
И лавр, — цветы, вокруг чела обвиты,
В единый будут сплетены венок,
А прочие пускай лежат у ног.

V

Соленый бриз качал вершины сосен.
Стволы скрипели, — так низкоголосен
Бывает зимний сдержанный прибой.
Закат янтарный заполнял собой
Лесные соты. И, посеребренны,
В траве нарциссов бледные короны
Светились нежно. Внемя пенью птиц,
Восторга полон, я готов был ниц

Упасть перед мгновением свободы,
Перед покоем, что лесные своды
Душе истосковавшейся сулят.
Из памяти, из темных анфилад,
Богов преобразившиеся тени
Выходят. Позабытых сновидений
Мир оживает. Козлоногий Пан
Дриаду настигает среди полян,
Неистовы сиринги переливы.
Девичий вскрик, девичий смех стыдливый,
Всё смолкло. Меж стволов Дианы стан
Мелькает, — бег богини неустан,
Проносится взъяренных гончих стая
За ведрем вслед. Поляна вновь пустая.
Гилас, в лесной глядящийся ручей...

Эллады сон, из порванных ячей
Выскальзываешь, темным смыт потоком.
В оцепененье ширится глубоким
Колоколов вечерних перезвон.
Дурманящим настоем опоен,
Я позабыл среди сладкого обмана
Последнее моление Гефсимана.

VI

Равенна! Край покинутый, пустынный!
Твои уединенные равнины
Былое созерцают испокон.
Здесь Цезарь, перешедши Рубикон,

Снискал величье. Рим простер крылато
От берегов британских до Евфрата
Орла полет. Державностью сама
Ты славилась, пока в твои дома
Не ворвались нагрянувшие готы.
Очей не размежая от дремоты,
Отлучена от моря, средь зыбей
Болотистых, вздыхаешь всё слабей.
И воздух словно замер в вечном штиле.
Там, где сновали паруса флотилий,
Пасутся овцы. Тонкого руна
Не тронет Адриатики волна.

О светлое, о скорбное успенье!
В отчаянном твоём долготерпенье
Не ведомо тебе, что смыт позор
С Италии, что Палатин простер
Небесный свод над вольною державой
И семь холмов столицы величавой,
Колоколами воздух тяжеля,
Пропели миру имя короля.

Пелены смерти разорвав тугие,
Неаполь пробужден от летаргии.
Венеция, струи тяжелых вод
Отринув, поднимается. И пьет
Свободы воздух Генуя. Чеканно
Блестает профиль мраморный Милана.
Свеж ветер, и един — сияет свет.
Так Алигьери выполнен завет.

Твои, Равенна, чаянья безмерны.
Руины — только полог эфемерный,
Скрывающий величие твое.
Но тускло пламя, что сквозь забытье
Дрожит в лучах Италии полднейной,
Под новым солнцем. Участи плачевной
Закончилась постылая пора.
Войска австрийские, еще вчера
Ломбардию топтавшие бесстыдно,
Повыбиты, их доля незавидна.
Сверкающие льды альпийских гор
Свободно смотрят в голубой простор

И в водах Лиссы, и в земле Новары,
На склонах Аспромонте, — юный, старый, —
Повсюду за тебя твои сыны
Сложили головы, но не нужны
Покажутся их подвиги и зряшны.
Не тронул хмель Свободы бесшабашный
Твоей крови, и звук военных труб
Душе твоей измученной не люб.
Недвижная, покоишься в истоме,
Следишь, как тень растет на переломе
Полуденного часа. Бег минут
Тебя не возмутит. Порой сверкнут
Зарницами — прошедшего приметы.
Но ты не принимаешь эстафеты.

Не просыпайся, спи, тяни дурман
Янтарных асфodelевых полян,
Лугов, лилейным окропленных цветом, —

Как приговор, звуча любым обетам,
Величью, гордости: всё суета.
В твоих чертах такая разлита
Отриновенность, — неуместны пени,
Жалки слова. На стертые ступени
Не проливалась жертвенная кровь
Сражавшихся, и сколь ни суесловь, —
Ты не чета Невесте Океана,
Владычице двух царств. Золототканна
Под солнцем паутина. Всем ветрам
Распахнуты ворота. Каждый храм,
Разрушенную башню иль гробницу
Трава заполнила. Взломав бойницу,
Растет смоковница. Бездушный Рок
На медленный закат тебя обрек
В силках времен, оставив от побед
Венок сухой, герба чуть видный след.

Кому дано — сквозь войны, битвы, смуты —
С недвижной башни светлые минуты
Грядущего прозреть? Кому дано
Предвидеть, что запенится вино,
Что на рассвете защелкает птаха?! —
О, даже ты, возрождена из праха,
Подобно розе, развернешь бутон,
В раскатах грома свежий обертон
Приветствует звезду среди туч грозových, —
Равенна! Я пришлец из мест суровых,
С холодных островов моей страны.

Я видел, как, лучами червлены,
Врастают купола в печаль Кампаньи.
Из города лиловых одеяний
Я наблюдал, как солнце на покой
За холм Коринфский плыло. Колдовской
Вокруг звучал Аркадии напев,
Смеялось море. Но, не охладев
Душой, стремлюсь к тебе, страна теней,
Как в отчий дом, — под кров седых камней.

О, пантеон поэтов! Глухи струны,
Чтоб возвестить грядущие кануны
Величью твоему! И слаб глагол
Увидевшего, как сменен камзол
Июньский на осеннюю ливрею, —
В двадцатый раз. Златому эмпирею
Созвучней глас трубы, а не рожка
Журчание. Воспеть тебя — робка
И безрассудна кажется попытка,
Но сердце разрывалось от избытка
Святого преклоненья пред тобой,
Когда, нарушив сумрак голубой
Пустынных улиц бегом скакуна,
Я понял: ты со мной сопряжена.

VII

Прощай, Равенна! Памятная дата, —
Лишь год назад я зрелищем заката
Захвачен был среди твоих болот.

Как щит, сиял просторный небосвод
И отражал предсмертный час светила.
На западе край тучи золотила
Сиянья полоса — подобьем риз
Господних, и за пурпурный карниз
Ладья Владыки Света уплывала.

Прохладное ночное покрывало
Студит глаза, и памяти прилив
Любовью полнит душу, говорлив.
Свеж юный мир в весенней полудреме,
Желанья жар томится в черноземе,
И вскоре полногрудая заря
Швырнет охапки лилий в косаря.
Но после долгого господства лета
По лесу осень золотом браслета
Сверкнет и щедро оделит листву
Монистами, но ветер мотовству
Дань воздает. И вновь холодный мрак
Над миром воцарился. Точно так
И мы в плену безжалостной природы
Становимся дряхлы, седебороды.
Порукой жизни служит лишь любовь.
Зима над ней не властна. Вновь и вновь
Стихи тебе слагая дерзновенно,
Произношу высокое: Равенна!
Прощай! Твоя вечерняя звезда
Поблескивает тихо, и стада
За пастухом домой бредут покорно.
Быть может, раньше, чем нальются зерна,

И новой жатвы подоспеет срок,
И осень новый соберет оброк, —
Тебе предстану, словно для ответа,
К стопам слагая дар — венок поэта.

Прощай! Прощай! Луна тебя хранит,
Стремя часы полуночи — в зенит
И серебра покой в стране могил,
Где Данте спит, где Байрон жить любил.

Равенна, март 1877

Оксфорд, март 1878